

На правах рукописи

Вишняцкий Леонид Борисович

Культурная динамика в середине позднего плейстоцена
и переход к верхнему палеолиту

07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург – 2006

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры РАН

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Козинцев Александр Григорьевич

доктор исторических наук, профессор Леонова Наталья Борисовна

доктор исторических наук Филиппов Анатолий Кузьмич

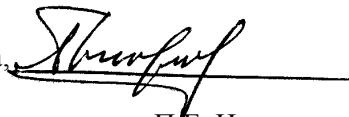
Ведущая организация: Институт археологии РАН

Защита состоится 17 мая 2006 г. в 14 часов на заседании
Диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций на
соискание учёной степени доктора исторических наук при Институте
истории материальной культуры РАН по адресу С.-Петербург,
Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории
материальной культуры РАН.

Автореферат разослан «_____» апреля 2006 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
канд.ист.наук

П.Е. Нехорошев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Проблема перехода от среднего палеолита к верхнему является сейчас одной из наиболее активно изучаемых и обсуждаемых археологами всего мира тем. По ней накоплен обширный фактический материал, осмысление и анализ которого имеют огромное значение для выявления механизмов культурного развития в первобытности, для решения вопроса о характере взаимосвязи между биологической и культурной эволюцией человека, а также и для лучшего понимания истоков современного человеческого поведения. Кроме того, эта проблема тесно связана с проблемой происхождения и раннего расселения людей современного анатомического типа (*Homo sapiens*), что придает ей междисциплинарный характер и делает ее интересной не только для археологов, но также для антропологов, а в последние годы еще и для генетиков и представителей других естественных наук.

Цели и задачи исследования. Основной целью работы является получение ответа на два вопроса: 1) Как происходил переход от среднего к верхнему палеолиту во времени и в пространстве, т.е. имел ли этот процесс некий единый центр, откуда распространялись все наиболее важные инновации, или же он начался независимо в разных регионах? 2) В чем заключались основные причины наблюдаемых в этот период культурных изменений, и почему переход произошел именно там и тогда, где и когда это случилось?

В ходе рассмотрения этих вопросов решаются также следующие задачи:

1) Разрабатывается метод эволюционного ранжирования индустрий среднего и раннего верхнего палеолита, 2) С помощью этого метода исследуется вопрос о характере и направленности культурной динамики в среднем палеолите, 3) Обобщаются и анализируются данные об индустриях периода перехода из 20 разных регионов Старого Света, 4) Предлагается классификация этих индустрий и периодизация процесса перехода.

Научная новизна работы. Во-первых, в работе впервые в мировой практике проанализированы и суммированы данные о переходе к верхнему палеолиту по всем без исключения регионам, где есть археологические памятники соответствующего периода. Во-вторых, впервые становление верхнего палеолита рассмотрено как одна из составляющих культурной динамики в позднем плейстоцене, т.е. на фоне процессов, происходивших в более раннее время (средний палеолит), а также на фоне синхронных переходу процессов, происходивших в тех регионах, где верхний палеолит не появился, либо появился очень поздно. В-третьих, в работе описан и применен метод «эволюционного ранжирования» индустрий конца среднего и начала верхнего палеолита, предлагаемый в качестве одного из возможных путей изучения (и в том числе количественной оценки) культурной динамики в период перехода и в более раннее время. В-четвертых, в работе впервые дается критический анализ всех сколько-нибудь заметных подходов к объяснению причин «верхнепалеолитической революции», представленных в литературе, и излагаются теоретические соображения и фактические данные, позволяющие рассматривать переход к верхнему палеолиту как следствие, прежде всего,

демографических процессов, предшествовавших и сопутствовавших этому событию.

Практическая ценность работы. Материалы и выводы, представленные в диссертации, могут найти и уже находят применение при написании как специальных исследований, так и обобщающих трудов по истории человечества, при подготовке учебников для школ и ВУЗов, а также при чтении лекционных курсов по археологии, культурологии и антропологии. Кроме того, некоторые из содержащихся в работе положений, уточняющих и отчасти меняющих традиционные представления об основных закономерностях культурного развития в первобытности, имеют мировоззренческое значение. Предложенный в работе метод «эволюционного ранжирования» может использоваться другими специалистами в данной области как средство сравнительного анализа, а также при обработке новых и старых коллекций.

Источниковедческая база. Исследование базируется в основном на анализе информации, содержащейся в публикациях. Проработана вся основная литература по теме на русском, английском и французском языках до 2005 г. включительно. Кроме того, в диссертации широко использованы данные, полученные автором в разные годы при работе с коллекциями большого числа памятников среднего и начала верхнего палеолита Ближнего Востока, Загроса, Средней Азии, Восточной Европы и Южной Сибири.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации представлены в 4 монографиях и 37 статьях на русском и английском языках. Они отражены также в ряде тезисов докладов, которые выносились на обсуждение различных региональных и международных научных конференций, симпозиумов и чтений. Среди них симпозиум «Образ жизни ранних гоминид» (Германия, 1997), Замятинские чтения (Россия, 1999), ежегодные конференции Палеоантропологического общества в США (1998, 1999, 2001), ежегодные конференции Европейской ассоциации археологов в Германии (2001) и России (2003). Кроме того, отдельные идеи были изложены в виде сообщений на заседаниях Отдела палеолита ИИМК РАН.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, библиографии на русском и иностранных языках, списка иллюстраций и самих иллюстраций (70 карт, рисунков, графиков и схем).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении формулируются основные вопросы, на которые предстоит дать ответ в ходе исследования, определяются суть и специфика предлагаемого автором подхода к их решению, намечается общая последовательность тем, подлежащих анализу, и очерчивается круг используемых в работе источников.

Глава 1. Проблемы датирования и корреляции палеогеографических и археологических материалов

В первой главе излагается суть современных представлений об изменениях климата в рассматриваемый период, а также кратко обсуждаются некоторые трудности, возникающие при использовании данных абсолютного датирования. Хронологически конец среднего и начало верхнего палеолита приходится на кислородно-изотопную стадию (КИС) 3, охватывающую период от 59 до 24 тлн. В терминах традиционной геологической периодизации, принятой для Европы, это середина последнего, вейхзелианского-вюрмского-валдайского оледенения, именуемая также мегаинтерстадиалом. В целом КИС 3 — это эпоха относительно мягкого климата, выделяемая между двумя холодными максимумами позднего плейстоцена (КИС 4 и 2). Однако в течение этой эпохи климат не оставался неизменным. Результаты изучения кернов из гренландских ледников свидетельствуют о существовании множества резких перепадов температуры и влажности продолжительностью от нескольких сотен до нескольких тысяч лет каждый (Dansgaard et al., 1993). Во время самых теплых из них температура была лишь на 2° ниже местных голоценовых температур, тогда как при похолоданиях она приближалась к значениям, установленным для последнего ледникового максимума.

Основная трудность при выявлении роли, которую изменения природных условий могли сыграть в культурной и биологической истории человека, заключается в том, что эти два ряда событий крайне трудно сколько-нибудь точно соотнести во времени. Хронология климатических событий основана на фактически календарных датах, полученных путем подсчета годичных слоев, представленных в колонках льда. Все остальные хронологии базируются, преимущественно, на радиоуглеродных (РУ) датах, которые, как известно, могут значительно отличаться от календарных. Свои недостатки есть и у всех остальных методов абсолютного датирования, применяемых для КИС 3. Один из них, общий, — очень большая, как правило, величина уклонения (намного больше, чем у РУ дат). Другие — специфические, связаны с особенностями каждого из методов.

Удовлетворительного решения этих проблем, к сожалению, пока не существует. Поэтому все, даваемые в работе хронологические оценки, неизбежно являются приблизительными. Все оценки, базирующиеся на РУ датах, даются с учетом их уклонения. Все приводимые в работе РУ даты — некалиброванные.

Глава 2. Гоминиды конца среднего и начала верхнего палеолита

Систематика и эволюция гоминид конца среднего и начала верхнего палеолита интересны и важны далеко не только с биологической точки зрения, но и для понимания тех процессов, которые происходили в культуре. Поэтому анализу собственно культурной динамики предпослано рассмотрение вопросов о происхождении и популяционной истории людей современного

физического типа (*Homo sapiens*) и неандертальцев (*Homo neanderthalensis*). Именно представители этих двух видов на протяжении большей части позднего плейстоцена составляли основное население Земли и были главными «действующими лицами» верхнепалеолитической революции.

При всем многообразии нюансов, присущих взглядам разных исследователей на проблему происхождения *Homo sapiens*, все предлагаемые варианты ее решения могут быть сведены к двум противостоящим точкам зрения. Согласно одной, моноцентристской, местом происхождения людей современного физического типа был какой-то довольно ограниченный регион в Африке, откуда они впоследствии расселились по всей планете, постепенно вытеснив, уничтожив или ассимилировав предшествовавшие им в разных местах автохтонные популяции гоминид. Противоположную позицию занимают исследователи, отстаивающие так называемую «мультирегиональную» теорию, согласно которой эволюционное становление *Homo sapiens* происходило повсеместно, то есть и в Африке, и в Азии, и в Европе, при постоянном обмене генетическим материалом между популяциями этих регионов.

Хотя спор между моноцентристами и полицентристами, имеющий длительную историю, все еще далек от завершения, инициатива сейчас явно в руках сторонников теории африканского происхождения *Homo sapiens*. Во-первых, ископаемые антропологические материалы однозначно свидетельствуют о том, что люди современного или очень близкого к такому физического типа появились в Африке уже в конце среднего плейстоцена, т.е. гораздо раньше, чем где бы то ни было еще. Во-вторых, из всех континентов только здесь известно большое количество останков гоминид переходного характера, позволяющих хотя бы в общих чертах проследить процесс трансформации местных *Homo erectus* в *Homo sapiens*. В-третьих, данные генетики, по мнению большинства специалистов в этой области, также указывают на Африку, как наиболее вероятный первоначальный центр формирования людей современного физического типа (Cann et al., 1987; Pearson, 2004; Forster, Matsumura, 2005).

Самой древней из известных сейчас антропологических находок, относимых к *Homo sapiens*, является череп Омо I, обнаруженный в 1967 г. в отложениях формации Кибиш, неподалеку от северного побережья оз. Туркана (Эфиопия). Этот череп не несет признаков, выходящих за рамки обычного для *Homo sapiens* размаха вариаций (Trinkaus, 2005). Аргонное датирование образцов полевого шпата, взятых из прослоев пемзы, лежащих чуть ниже уровня, откуда происходит череп, и намного выше него, дало даты около 195 и 104 тлн соответственно. Разнообразные стратиграфические и палеоклиматические корреляции, а также данные о темпах формирования соответствующей части отложений формации Кибиш говорят о том, что возраст антропологических находок должен быть намного ближе к первой дате и, скорее всего, составляет 195±5 тлн (McDougall et al., 2005).

Примерно в то же время, когда в Африке происходило формирование комплекса анатомических признаков, характеризующих людей современного

физического типа, в Европе совершалось становление неандертальцев. Все европейские гоминиды второй половины среднего и первой половины позднего плейстоцена более или менее четко делятся на две группы. Первую, среднеплейстоценовую, составляют так называемые пренеандертальцы, которых вместе с их африканскими и азиатскими современниками сейчас обычно относят к виду *Homo heidelbergensis*. Не позднее 130 тлн их сменяют «классические» неандертальцы (*Homo neanderthalensis*). Практически никто не сомневается в том, что неандертальцы произошли от пренеандертальцев, и, согласно преобладающей точке зрения, случилось это именно в Европе. Первые оценки времени происхождения этого вида, полученные по палеогенетическим данным методом молекулярных часов, укладываются в интервал от 150 до 250 тлн (Lalueza-Fox et al., 2005).

Судя по генетическим и палеоантропологическим данным, широкое распространение людей современного физического типа за пределы Африки началось не раньше 60 тлн. Сначала, по всей видимости, ими были колонизированы южные районы Азии и Австралия, а в период примерно от 40 до 30/28 тлн они заселили почти всю Европу и начали освоение Северной Азии. Имело ли при этом место смешение автохтонного и пришлого населения — до конца неясно. Антропологи расходятся во мнениях на этот счет. Тем не менее, в последнее время явно наблюдается некоторое сближение позиций сторонников противоборствующих точек зрения, благодаря, прежде всего, отказу от некоторых крайностей. С одной стороны, сейчас уже мало кто отстаивает тезис об абсолютной невозможности даже минимальной гибридизации, а с другой, лишь очень немногие продолжают утверждать, что гоминиды, предшествовавшие *Homo sapiens* в Европе и Азии, внесли такой же вклад в генофонд современного человечества, как и последние.

Наиболее правдоподобной кажется так называемая ассимиляционная модель, сторонники которой, признавая африканское происхождение *Homo sapiens*, полагают, что в процессе расселения последних за пределы их прародины имела место, скорее, хотя бы частичная ассимиляция, нежели полная аннигиляция автохтонного населения других регионов. Эта модель базируется, прежде всего, на анализе остеологических материалов. Что касается неандертальцев, то ряд общих черт в морфологии поздних представителей этого вида и ранних анатомически современных европейцев позволяет предполагать, что их сосуществование, видимо, сопровождалось некоторым обменом генами и хотя бы незначительной ассимиляцией первых вторыми (Козинцев 1994, 2003; Smith et al., 2005;). Особенно показательным обстоятельством, что на черепках европейских *Homo sapiens* ранней поры верхнего палеолита бывают довольно отчетливо выражены некоторые признаки, отсутствующие или крайне редкие у людей группы Схул-Кафзех и у позднепалеолитических европейцев, но обычные для неандертальцев. Это, например, значительный среднелицевой прогнатизм и наличие хорошо выраженного затылочного валика. Факты такого рода свидетельствуют в пользу присутствия неандертальского анатомического компонента у европейцев ранней поры верхнего палеолита, наиболее простым и

правдоподобным объяснением чего является гибридизация. В свете археологических данных допущение возможности гибридизации и вообще неантагонистических контактов между неандертальцами и людьми современного анатомического типа тоже выглядит вполне приемлемым. Во всяком случае, оно позволило бы объяснить те несколько случаев, когда можно предполагать, что носителями одной и той же традиции на разных этапах ее развития были гоминиды разного типа (эмиран-ахмариан, стрелецкая культура).

Глава 3. Основные тенденции индустриальной изменчивости в эпоху перехода от среднего палеолита к верхнему и оценка продвинутой (эволюционное ранжирование) комплексов

Несмотря на известные всем многочисленные различия средне- и верхнепалеолитической эпох, на практике вопрос об отнесении той или иной конкретной индустрии к среднему или верхнему палеолиту нередко вызывает серьезные разногласия. Эти разногласия могут касаться не только памятников с бедным инвентарем и неясной хронологией, но и вполне представительных, относительно надежно датированных комплексов и даже целых культур. В качестве одного из возможных путей преодоления такого рода трудностей и разногласий был предложен способ эволюционного ранжирования индустрий периода перехода (Вишняцкий 2002б, 2004а). Речь идет о попытке создания системы количественной оценки степени «продвинутой» среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических комплексов, с помощью которой можно было бы определить, какое место каждый из них занимает в последовательности промежуточных состояний, располагающихся между двумя крайними полюсами — идеальным средним палеолитом и идеальным верхним палеолитом.

Каждый из двух названных полюсов характеризуется идеальным набором неперекрывающихся состояний признаков. При этом в расчет принимаются только такие параметры индустрий, которые можно более или менее уверенно оценить на материале любого сколько-нибудь представительного памятника. В идеале средний и верхний палеолит различаются по технологии первичного расщепления, технике скола, характеру заготовок, типологическому составу орудийного набора, технологии изготовления составных орудий и обработки кости, наличию свидетельств символизма. Понятно, что полярные состояния признаков отражают лишь общие тенденции изменений каменного и костяного инвентаря при переходе от среднего палеолита к верхнему. В реальности все гораздо сложнее и большинство конкретных индустрий располагается между идеальными полюсами. Тем не менее, как правило, сравнивая средне- и верхнепалеолитические памятники, мы наблюдаем эволюцию от плоскостного расщепления к объемному, от некраевого скалывания к краевому, от оббитых скрепленных изделий к вырезанным, выструганным и шлифованным, от скребла к скребку и от отщепы к пластине, а не наоборот. Оценив состояние индустрии в каждом из перечисленных отношений, можно вывести количественный

показатель степени ее эволюционной «продвинутости». Сравнив затем между собой по этому показателю индустрии разного возраста и/или разных регионов можно получить данные для суждения о характере и направленности культурной динамики.

Оценка каждого комплекса проводится по 11 позициям: 1) отщепы, 2) плоскостное расщепление, 3) некраевое скалывание, 4) среднепалеолитические типы орудий, 5) пластины, 6) объемное расщепление, 7) краевое скалывание, 8) верхнепалеолитические типы орудий, 9) подготовка камня к креплению, 10) формальные костяные орудия, 11) символизм. В зависимости от степени выраженности каждого из этих признаков его состояние оценивается как 0; 0,5 или 1. Для признаков 1–8 оценка 0 означает, что данная черта в индустрии отсутствует или встречается крайне редко, 0,5 — обычна, 1 — типична. Черта считается редкой или отсутствующей, если ее индекс менее 10 %, обычной — когда он составляет от 10 до 30 % и типичной при индексе свыше 30 %. Для признаков 9–11 индексы не выводятся. Здесь 0 соответствует полному отсутствию данной черты в комплексе, 0,5 означает, что она встречается, а 1 — обычна. Все значения, полученные для признаков 1–4, берутся со знаком минус, а для признаков 5–11 — со знаком плюс. Идеальная среднепалеолитическая индустрия будет иметь итоговую оценку –4, а верхнепалеолитическая +7.

Подобным образом было определено значение «индексов продвинутости» (далее ИП) целого ряда индустрий среднего и ранней поры верхнего палеолита и предложено те комплексы, суммарная оценка которых варьирует примерно от –1 до 2–2,5, обозначать термином «архаичный верхний палеолит». В отличие от терминов ранний и начальный верхний палеолит, он указывает не на хронологию комплексов, а на их специфический облик, на наличие в технологии и/или типологии значительного количества архаичных, среднепалеолитических элементов (Вишняцкий, 2004а). Для обозначения индустрий, ИП которых выше 2,5, можно использовать термин «развитой верхний палеолит». Первые попытки применения описанного метода для решения ряда конкретных задач, предпринятые разными авторами, показали его работоспособность (Вишняцкий 2002б, 2004а; Рыбин, 2003; Анисюткин, 2005). В главе 4 он используется для оценки культурной динамики в среднем палеолите.

Глава 4. Проблема направленности культурной динамики в среднем палеолите

Во всех регионах, где имеется большое количество представительных и более или менее надежно датированных памятников среднего палеолита, относящихся к разным хронологическим периодам, наблюдается чередование во времени различающихся в технико-типологическом отношении индустрий. Возникает вопрос: как соотносятся и соотносятся ли вообще эти изменения с теми, которые имели место при переходе к верхнему палеолиту? Можно ли в диахронной динамике среднепалеолитических комплексов видеть постепенное

движение к этому переходу, его подготовку, или же она имеет иное направление, а развитие культуры в верхнем палеолите представляет собой не продолжение ранее наметившейся линии, а, скорее, крутой поворот, перелом прежней тенденции? Правы ли те, кто рассматривает становление верхнепалеолитической культуры как революцию, перерыв постепенности развития, или же никакой революции на самом деле не было (McBrearty, Brooks, 2000), а было длительное постепенное вызревание и накопление новых культурных элементов?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо сопоставить между собой индустрии, существовавшие на разных хронологических этапах среднего палеолита на предмет содержания в них верхнепалеолитических элементов. Разумеется, сначала сравнения следует проводить в пределах отдельных регионов, причем это должны быть такие регионы, где среднепалеолитические индустрии неплохо датированы и образуют сколь можно более полную последовательность, охватывающую всю или почти всю рассматриваемую эпоху. Подобная ситуация имеет место пока только в Южной Африке, на Ближнем Востоке и в Западной Европе.

Южная Африка. Изменчивость южноафриканских индустрий среднего палеолита (далее MSA) во времени имеет общую направленность, и в своем развитии они проходят через ряд сходных стадий. Для самых ранних комплексов (MSA 1) характерно пластинчатое расщепление, ориентированное на местное сырье (в основном кварцит), и преобладание среди заготовок пластин и удлиненных острий при очень небольшом, как правило, количестве изделий со вторичной обработкой. На следующей стадии (MSA 2) острия становятся более многочисленными, чем пластины, а пропорции тех и других несколько укорачиваются. Ретушированных изделий по-прежнему мало. Затем в регионе распространяются индустрии, широко использующие импортное сырье (различные мелкозернистые породы) и отличающиеся наличием иногда большего, иногда меньшего количества стандартизированных орудий, специально подготовленных для крепления. Сначала это бифасиальные наконечники с утончением основания (стадия стилбей), а затем к ним добавляются крупные сегменты и другие геометрические формы с притупленным отвесной ретушью краем (стадия хауисонс пурт). Им на смену вновь приходят типологически невыразительные в большинстве своем комплексы с непластинчатой технологией (MSA 3), которые продолжают существовать вплоть до начала хронологически отчасти сопоставимого с верхним палеолитом южноафриканского позднего каменного века (далее LSA).

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в Южной Африке индустрии, характеризующиеся такими чертами, как преобладание пластин среди заготовок и наличие среди орудий изделий с подготовкой для крепления, существовали на ранних и средних стадиях местного среднего палеолита. В конце же этой эпохи их сменили комплексы, практически лишенные каких бы то ни было верхнепалеолитических элементов как в технологии, так и в типологии. Вопреки возможным ожиданиям, материалы

стадии MSA 3 выглядят архаичней, чем гораздо более древние материалы стадии MSA 1, не говоря уже о хауисонс пурте. На основании имеющихся данных для индустрий разных стадий среднего палеолита Южной Африки были получены следующие значения ИП: MSA 1: $-2/-0.5$; MSA 2: $-3.5/-2.5$; хауисонс пурт: $0/2.5$; MSA 3: $-4/-2$. Эти цифры подтверждают сделанный ранее вывод о том, что на протяжении всего среднего палеолита южноафриканские индустрии претерпевали скорее колебательные, чем направленные изменения. Вектор культурной динамики во времени не был постоянным, и поворот, который он сделал в период от 40 до 25/20 тлн, кажется на этом фоне достаточно резким для того, чтобы рассматривать переход от MSA к LSA как культурную революцию.

Ближний Восток. В этом регионе анализ направленности культурной динамики можно начинать не со среднего, а с конца нижнего палеолита, когда здесь существовала такая оригинальная и легко узнаваемая индустрия, как ябрудьен. Почти на всех памятниках, где ябрудьен был обнаружен, он включает индустрии, демонстрирующие известное отклонение от ниже/среднепалеолитических стандартов. В этих индустриях, известных под названиями преориньяк и амудьен, пластины и пластинчатые отщепы становятся доминирующими формами заготовок, и в значительных количествах появляются орудия, больше характерные для верхнего, чем для нижнего или среднего палеолита: скребки, резцы, ножи с дугообразным ретушным обушком. Культурно-стратиграфические колонки Ябруда 1, Табуна и Кезема не оставляют сомнений в том, что амудийские и преориньякские слои вклиниваются между собственно ябрудийскими.

Среднепалеолитические комплексы Ближнего Востока, следующие за ябрудьеном, принято делить на три стадии: мустье типа Табун D, C и B. Первую из них (хронологически наиболее древнюю) называют еще ранним левантийским мустье. Для него характерны заготовки пластинчатых пропорций (собственно пластины, а также остря), которые получали с одноплощадочных конвергентных, а также биполярных нуклеусов с минимальной подготовкой площадок. Кроме того, материалы большинства памятников, относимых к этой стадии, свидетельствуют о довольно широком использовании, наряду с плоскостным, объемного принципа расщепления. Полуповоротные, а то и собственно призматические нуклеусы и классические реберчатые пластины представлены, в частности, в коллекциях Рош Эйн Мора, Айн Дифлы, Хайонима, Мислии. Среди изделий со вторичной обработкой, как правило относительно немногочисленных, преобладают скребла, удлиненные остроконечники и резцы.

Для комплексов стадии Табун C наиболее характерны дисковидные нуклеусы радиального скалывания, дополняемые биполярными нуклеусами, а основным типом заготовки здесь являются крупные отщепы, часто овальных очертаний. Острий немного, они подтреугольные, укороченных пропорций. Орудия представлены в основном скреблами и зубчато-выемчатыми изделиями. Наконец, мустье типа Табун B характеризуется одноплощадочными конвергентными нуклеусами (в поздних памятниках к ним добавляются

радиальные нуклеусы), леваллуазскими остриями (часто короткими и широкими), тонкими отщепами, редкими пластинами (хотя иногда последние составляют до 25% заготовок). Характер орудийного набора остается практически тем же, что и в Табун С (Bar-Yosef, 2000; Shea, 2003).

Судя по стратиграфии многослойных памятников и имеющимся абсолютным датам, индустрии, характеризующиеся развитой пластинчатой технологией и наличием среди орудий относительно большого количества вещей верхнепалеолитических типов, существовали в Леванте в конце нижнепалеолитического и начале среднепалеолитического времени. Затем их сменили комплексы, практически лишенные каких бы то ни было верхнепалеолитических элементов как в технологии, так и в типологии. Материалы позднего левантийского мустье типа табун С и В выглядят явно архаичней, чем гораздо более древние материалы мустье типа Табун D, а также индустрий внутрибрудийского эпизода. Это подтверждают полученные для разных индустрий значения индекса продвинутости: ябрудьен: $-3.5/-1.5$; амудьен: $-1.5/-1$; раннее левантийское мустье (Табун D): $-3/-1.5$; позднее левантийское мустье (Табун С и В): $-3.5/-2.5$. Следовательно, в Леванте, как и в Южной Африке, не прослеживается постепенной эволюции культуры от среднепалеолитического «полюса» к верхнепалеолитическому. Ближневосточные индустрии конца нижнего и всего среднего палеолита испытывали колебательные изменения, и вектор культурной динамики во времени здесь тоже не был постоянным.

Западная Европа. В среднем палеолите Западной Европы тоже известна индустрия с довольно развитым объемным расщеплением, высокой долей пластин среди заготовок и наличием среди орудий относительно большого количества вещей верхнепалеолитических типов, но, как и в предыдущих двух регионах, она появляется и исчезает здесь задолго до начала перехода к верхнему палеолиту. Речь идет о секленьене, памятники которого находятся в основном на севере Франции и в Бельгии и датируются серединой КИС 5 (80–90 тлн). Помимо самого Секлена, это Рьенкур ле Бопом, Рокур, Беттанкур и еще ряд стоянок (Revillion, 1994; Revillion, Tuffreau, 1994). Судя по подробному описанию инвентаря слоя СА Рьенкур ле Бопома, индекс продвинутости, по крайней мере, некоторых комплексов секленьена, достигает -2 . Это не много по сравнению с южноафриканским хаусонс пуртом, но вполне сопоставимо с ранним левантийским мустье и, наверняка, выше, чем у всех или почти всех хронологически более поздних индустрий среднего палеолита Западной Европы, за исключением, возможно, отдельных комплексов самого конца этой эпохи.

Таким образом, ни для одного из трех регионов мира, занимающих лидирующее положение по степени изученности среднего палеолита, нет оснований говорить о каких-то долгосрочных тенденциях в развитии индустрий этой эпохи. Если в культуре среднепалеолитического времени и происходило некое подспудное движение к верхнепалеолитическому «полюсу», то в изменчивости каменного и костяного инвентаря это никак не проявилось.

Глава 5. Становление верхнего палеолита: панорама индустрий периода перехода

Понять, *почему* произошел переход к верхнему палеолиту, не установив предварительно, хотя бы в общих чертах, *как* совершался этот процесс, какова была пространственно-хронологическая динамика изменений, невозможно. Происходило ли становление верхнего палеолита независимо в разных регионах, или первоначально он появился где-то в одном месте, откуда впоследствии культурные новации и/или их носители стали распространяться все шире и шире? Если верно первое, то где находились центры становления, и сколько их было? Если верно второе, то, опять же, где находился центр, и какую роль в процессе перехода за его пределами играли такие процессы, как диффузия идей, миграции их носителей и аккультурация автохтонного населения тех или иных регионов населением пришлым? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо представлять, что происходило в каждом из обитаемых регионов мира в период, соответствующий концу среднего и началу верхнего палеолита, какие именно изменения претерпевали местные культуры, каковы были масштаб и хронология этих изменений, кто выступал в качестве их проводников. Панорама перехода, которая дается в этой главе, как раз и имеет целью суммировать информацию такого рода, чтобы затем на ее основе попытаться выявить общие закономерности в хронологической и пространственной динамике культурных процессов рассматриваемого периода. Материал анализируется по регионам, начиная с Южной Африки и далее с юга на север и с запада на восток. Для регионов, где раннего верхнего палеолита нет, и процесс перехода как таковой не прослеживается, анализ ограничивается в основном установлением этого факта. Для регионов, где есть ранний верхний палеолит, обязательным является рассмотрение вопросов о возрасте индустрий периода перехода, об их истоках, об их положении на шкале «идеальный средний палеолит — идеальный верхний палеолит» и о видовой принадлежности их носителей.

Южная Африка. Имеющиеся археологические и хронологические данные говорят о том, что переход от MSA к LSA в Южной Африке произошел позже и совершался дольше, чем переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе и Азии. Своего апогея этот процесс достиг в начале КИС 2, окончательно исчезают индустрии, характеризующиеся преобладанием черт, типичных для MSA. Полностью сформировавшиеся индустрии LSA, древнейшей из которых считается робберг, распространяются в Южной Африке лишь в финальном плейстоцене. В основном они моложе 16 тл.

Центральная и Западная Африка. Западно- и центральноафриканские индустрии периода перехода от MSA к LSA демонстрируют весьма невысокую степень дифференциации каменного инвентаря и отсутствие сложных технологий, нацеленных на получение стандартизированных изделий. В целом они выглядят еще менее развитыми, чем синхронные им южноафриканские индустрии.

Восточная Африка. Восточная Африка — совершенно уникальный по своему значению для древнейшей истории человечества район, с которым, если не считать последние 30 тысяч лет, связаны чуть ли не все важнейшие вехи нашей биологической и культурной эволюции. Отсюда происходят не только кости первых гоминид, но и останки самых ранних представителей рода *Homo* и вида *Homo sapiens*. Здесь же найдены самые древние каменные орудия, самые древние ашельские комплексы с рубилами и самые древние свидетельства существования технологий, ориентированных на производство пластин. Наконец, есть основания думать, что именно в этом регионе раньше, чем где бы то ни было еще, начинается средний палеолит (MSA), а впоследствии появляются самые древние индустрии LSA. Последние представлены, в частности, на пещерных стоянках Мумба в Танзании и Энкапуне Йя Муто в Кении, где их возраст может достигать 50 тл. Однако, если об индустриях, существовавших в Восточной Африке на рубеже MSA и LSA, можно составить сравнительно целостное представление, то о более поздних стадиях процесса перехода почти ничего определенного сказать нельзя. Для периода от 35 до 20 тлн в этом регионе, отнюдь не обделенном вниманием археологов, пока не выявлено представительных памятников, а те материалы, что есть, остаются в основном неопубликованными.

Аравийский полуостров. Среди довольно многочисленных средне- и верхнепалеолитических памятников этого региона, наверняка, есть такие, которые относятся к периоду перехода, но выделить их крайне трудно, поскольку практически ни для одного комплекса нет сколько-нибудь надежных определений возраста. Последнее обстоятельство объясняется, прежде всего, спецификой геоморфологических и тафономических условий на большей части территории Аравии, где процессы денудации преобладают над процессами аккумуляции отложений, а органические остатки, включая кость, как правило, не сохраняются долго даже в погребенном состоянии. Таким образом, пока приходится констатировать почти полное отсутствие данных, могущих пролить свет на проблемы хронологии и истоков местного верхнего палеолита.

Южная Азия. Судя по скудным описаниям археологических материалов и немногочисленным датам, на протяжении большей части периода, соответствующего переходу к верхнему палеолиту, в этом регионе, по-видимому, продолжали существовать среднепалеолитические индустрии. На смену им в конце КИС 3 или начале КИС 2 приходит сразу поздний палеолит с микролитами и орудиями геометрических форм.

Восточная и Юго-Восточная Азия. В этом регионе вплоть до заключительного этапа плейстоцена изменения в культуре происходили гораздо медленней, чем в Западной Азии, Африке и Европе. По своим технико-типологическим характеристикам большинство индустрий рассматриваемого в этой работе периода должно быть отнесено, несмотря на возраст, скорее еще к нижнему, чем к среднему или, тем более, верхнему палеолиту. Высказанное недавно предложение делить весь палеолит Китая на ранний и поздний, относя к первой стадии и индустрии, хронологически

эквивалентные среднему и раннему верхнему палеолиту (Gao, Norton, 2002), кажется вполне справедливым. По-видимому, его можно распространить на всю Восточную и Юго-Восточную Азию.

Австралия. Хотя сейчас известно уже довольно много памятников, давших свидетельства обитания человека в период, соответствующий началу верхнего палеолита, среди них нет ни одного с массовым археологическим материалом. Единственный вывод, который можно сделать на основании имеющихся немногочисленных и разрозненных в пространстве и времени находок, заключается в том, что вплоть, как минимум, до времени последнего ледникового максимума, если не до голоцена, каменные индустрии Австралии выглядят скорее как нижнепалеолитические, нежели верхнепалеолитические. Они базируются на отщепах и отделеностях породы, тогда как технологии получения пластин и вообще стандартизированных сколов отсутствуют, вторичная обработка играет незначительную роль и типологическое разнообразие комплексов невелико (Holdaway, 1995; Brumm, Moore, 2005: 162).

Северная Африка. Здесь в период перехода выделяются три культурных зоны — сахаро-атласская, киренаикская и нильская, — индустрии которых различались между собой по технико-типологическим характеристикам, имели разную историю и разные истоки.

В первой зоне нет верхнего палеолита и хронологически позднего мустье, а их место занимает атерийская культура, представляющая собой весьма специфическое явление. Хронологически атер соответствует концу среднего и началу верхнего палеолита. Корни его уходят в местное мустье. ИП большинства атерийских комплексов составляет от -2.5 до -1 . Все они характеризуются полным набором технологических и типологических элементов, свойственных среднему палеолиту, а именно плоскостным расщеплением, направленным на получение, главным образом, отщепов, некраевым скалыванием и доминированием скребел в орудийном наборе. Верхнепалеолитические элементы, напротив, в технологии отсутствуют совсем, а в типологии хоть и представлены (скребки, наконечники с черешком, листовидные наконечники), но занимают, как правило, подчиненное положение. Таким образом, в целом атер — это формально все еще средний палеолит. Человеческие костные останки, обнаруженные в слоях с атером (Дар эс Солтан, Мугарет эль Алиа., Зухра, Темара), принадлежат индивидам, явно отличавшимся от неандертальцев и приближавшимся по ряду важных краниофациальных характеристик к людям современного физического типа (Hublin, 2000). В то же время, некоторым из них свойственны и отдельные неандерталоидные черты.

В Киренаике ранний верхний палеолит представлен индустрией, именуемой дабба или даббан, комплексы которой обнаружены в пещерах Хауа Фтеа и Хагфет-эд-Дабба, где они могут иметь возраст до 38–40 тл. Даббан предположительно можно рассматривать как вариант ближневосточного эмира. Помимо общего и весьма оригинального «руководящего ископаемого» (орудия с поперечной фаской), даббан сближает с этой

индустрией и сохранение некоторых среднепалеолитических приемов в технологии (некраевое скалывание). ИП большинства комплексов даббана невозможно оценить точно, поскольку многие важные технологические параметры остались неохарактеризованными. Если судить по наиболее подробно описанным коллекциям, то он варьирует от 2 до 3. Антропологический тип носителей даббана неизвестен.

В нильской зоне почти все памятники, относимые к среднему и началу верхнего палеолита, представляют собой мастерские на выходах сырья, что, естественно, накладывает свой отпечаток на характер инвентаря и затрудняет решение вопросов хронологии. Комплексов, которые бы с уверенностью можно было поместить в интервал от 30 до 50 тлн, в регионе единицы, да и отложения соответствующего возраста тоже встречаются очень редко (Van Peeg, 2004). К раннему верхнему палеолиту относят кремнедобывающую мастерскую Назлет Хатер 4 в долине Нижнего Нила в Египте, давшую пластинчатую индустрию с немногочисленными орудиями, среди которых отмечаются зубчатые изделия, скребки и резцы. На основании РУ дат ее относили ко времени около 33–35 тлн.

Ближний Восток. В этом небольшом регионе комплексов конца среднего и начала верхнего палеолита известно больше, чем где бы то ни было еще за пределами Европы. Многие из них, к тому же, обнаружены на многослойных памятниках, что дает возможность представить картину перехода в динамике. Индустрии ранней поры верхнего палеолита на Ближнем Востоке — это ахмариан, левантский ориньяк и предшествующий им эмиран, который можно разделить на несколько фаз, различающихся по руководящим типам орудий.

Эмиран — это индустрия в прямом смысле слова переходная от среднего к верхнему палеолиту. Технология на ее ранних стадиях еще не выходит за рамки изменчивости, свойственной левантскому мустье, но орудийный набор, наряду со скреблами и остроконечниками, изначально включает довольно многочисленные скребки и резцы, а также ряд специфических типов каменных артефактов, таких как леваллуазские острия с бифасиальным утончением основания (эмирейские острия) и изделия с поперечной фаской (*pièces à chanfrein*). Эмиран вырастает из местного мустье. Благодаря постепенной смене руководящих типов орудий его можно разделить на ранний (Бокер Тахтит, слои 1–3), средний (Кзар Акил, слои 24–22) и поздний (Бокер Тахтит, слой 4). Хронологические рамки этой индустрии в целом примерно от 47 до 36 тлн. ИП варьирует от -1.5/0 на ранней стадии до 0/2 на поздней стадии. Антропологический тип носителей неизвестен.

Материалы нескольких многослойных памятников (Тор Садаф, Ючагизли и др.) показывают, что эмиран эволюционирует в ахмариан — индустрию с развитой пластинчатой технологией (двуплощадочные призматические нуклеусы) и неизменным преобладанием в орудийном наборе ретушированных острий на пластинках. Возраст самых ранних достоверно ахмарских памятников 36–38 тл, ИП этой индустрии составляет от 4 до 6.5.

Немногочисленные антропологические находки позволяют связывать ахмариан с людьми современного физического типа.

Чуть позже ахмариана, около 36 тлн, на Ближнем Востоке появляется ориньяк. Его местное происхождение крайне маловероятно, скорее, имела место миграция из Европы или из Передней Азии.

Передняя Азия. Ранний верхний палеолит в Передней Азии представлен барадостом — ориньякоидной индустрией, которая впервые была выделена в пещере Шанидар в Ираке, а затем еще как минимум на пяти пещерных памятниках в иранском Загросе. Генезис барадоста неясен (хотя не исключена связь с мустье Загроса), возраст древнейших комплексов, судя по старым радиоуглеродным датам, может превышать 36 и даже 38 тл, ИП на ранней стадии варьирует от 0 до 3. Антропологический тип носителей неизвестен.

Малая Азия. О раннем верхнем палеолите этого полуострова, занимающего столь важную географическую позицию на стыке Европы и Азии, известно пока немного. Единственный опубликованный комплекс, относящийся к рассматриваемому периоду, происходит из грота Караин (Yalçınkaya, Otte, 2000). Он, несомненно, является ориньякским, его возраст порядка 28 тлн.

Кавказ. Верхний палеолит появился на Кавказе сравнительно поздно (где-то в интервале от 32 до 35 тлн), о чем, помимо весьма молодых дат для первых верхнепалеолитических комплексов, свидетельствует и длительное переживание в регионе среднего палеолита. Происходил ли этот процесс исключительно или преимущественно за счет эволюции местных индустрий, либо же ведущую роль сыграло воздействие извне, на основании имеющихся данных решить невозможно.

Средняя Азия. Верхнепалеолитических памятников на территории бывшей советской Средней Азии и Казахстана известно очень немного, на порядок меньше, чем среднепалеолитических (Вишняцкий, 1996а). Лишь на востоке и юго-востоке региона (Тянь-Шань и Памир) верхний палеолит может быть выделен с уверенностью (Самаркандская стоянка, верхние слои Кульбулака, первый и второй слои Шугноу, Карасу и еще несколько комплексов). Однако, что касается его генезиса, то на этот счет, ввиду крайней скудости добротных археологических данных и практически полного отсутствия внушающих доверие датировок, сейчас невозможны не только выводы, но даже и сколько-нибудь далеко идущие предположения. Можно отметить лишь, что для большинства известных индустрий, таких как Кульбулак, Карасу, Шугноу, при всей их взаимонепохожести, характерно переживание в технологии и/или типологии выраженных среднепалеолитических элементов, что дает некоторые основания осторожно допускать возможность их формирования на местной мустьерской основе (Вишняцкий, 1996а). Что касается Оби-Рахмата, который иногда относят к верхнему палеолиту, то ИП этой индустрии, составляющий -2.5/-2, свидетельствует о ее среднепалеолитическом характере (Вишняцкий, 2004а).

Балканы. На северо-западе и, особенно, северо-востоке Балканского полуострова верхний палеолит появляется довольно поздно. На юге, напротив,

есть ряд памятников, где выявлены материалы, хронологически и по своему эволюционному статусу сопоставимые с эмираном. Основные индустрии ранней поры верхнего палеолита на Балканах — это ольшевиан, ориньяк и бачокирьен.

Для бачокирьена, представленного материалами из пещер Бачо Киро (слой 11) и Темната (слой IV) в Болгарии, свойственно сочетание во многом еще среднепалеолитической технологии с преимущественно верхнепалеолитическим орудийным набором, лишенным, однако, каких-либо своеобразных, только ему присущих черт. Эта индустрия начала формироваться, видимо, не позднее 45 тлн. Местной мустьерской основы у нее нет, но в слое VI Темнаты обнаружен комплекс, имеющий ряд общих черт с ближневосточным эмираном, с одной стороны, и бачокирьеном, с другой. ИП бачокирьена может составлять от -0.5 до 2.5, но, скорее всего, лежит где-то в интервале от 0 до 1.5. В 11-м слое Бачо Киро найдена человеческая челюсть, но ее видовая принадлежность пока под вопросом. Зуб из слоя 1а пещеры Лаконис, давшего индустрию, в общем, вполне сопоставимую с бачокирьеном, определяется как неандертальский (Harvati et al., 2002)

Самые ранние после бачокирьена верхнепалеолитические комплексы на Балканах имеют РУ даты порядка 31–34 тлн. На юге и северо-востоке полуострова их с достаточной степенью уверенности можно отнести к ориньяку (слои 9–6 Бачо Киро, слой 3 Темнаты, слой IV Клизуры 1, Миток-Малу Галбен), а на северо-западе к ольшевиану (Велика Печина, Виндия и т.д.), который, впрочем, часто тоже рассматривается как разновидность ориньяка. Вплоть до появления ориньяка на севере Балкан были распространены среднепалеолитические индустрии. Многие из них имеют более поздний возраст, чем бачокирьен, а некоторые даже синхронны местному ориньяку (Cărciumaru, 1998). Относительно генезиса балканского ориньяка трудно сказать что-либо определенное. Его сравнительно поздний возраст и вполне классический облик некоторых комплексов свидетельствуют против прямой связи с бачокирьеном или, тем более, местным средним палеолитом и заставляют искать истоки этой индустрии за пределами региона.

Зубы из ориньякских слоев Бачо Киро, по заключению специалистов, хотя и не поддаются точному определению, но «очень похожи на зубы неандертальцев» (Glen, Kaczanowski, 1982). Это наблюдение приобретает особый интерес в свете результатов прямого РУ датирования двух костей неандертальцев из слоя G1 Винчи, возраст которых составляет 32–33 тл (Higham et al., 2006). Достоверных останков людей современного физического типа соответствующего возраста в регионе нет.

Западная Европа. Основные западноевропейские индустрии периода перехода от среднего палеолита к верхнему — это ориньяк, распространенный здесь почти повсеместно, шательперрон, ареал которого ограничен западом Испании и востоком Франции, и улуццо, известный лишь на Апеннинском п-ве. Им предшествовали мустьерские индустрии, которые кое-где просуществовали почти до конца КИС 3. В первую очередь это относится к западной части Пиренейского полуострова, расположенной за р. Эбро, куда

новые культурные веяния не проникали еще долгое время после того, как в соседней Франко-Кантабрии и к востоку от нее произошла смена среднего палеолита верхним.

Шательперрон, генетически связанный с мустье ашельской традиции, появился несколько раньше 40 тлн. Он выделяется, прежде всего, благодаря специфическим ножам на пластинах с ретушным дугообразно изогнутым обушком, именуемым ножами типа шательперрон. В орудийном наборе большинства комплексов сочетаются верхнепалеолитические и среднепалеолитические формы: скребки, резцы, долотовидные орудия, скребла, зубчато-выемчатые изделия. Вместе с тем, несмотря на сравнительно архаичный облик каменного инвентаря, шательперрон характеризуется довольно развитой костяной индустрией и разнообразным набором украшений. В своем ареале шательперрон, несомненно, древнее ориньяка. В трех десятках случаев, когда две эти индустрии представлены в одной стратиграфической колонке, слои с шательперроном залегают ниже, а с ориньяком выше (Zilhão, d'Errico 1999; Rigaud, 2000). Значения индекса продвинутости, полученные для разных комплексов шательперрона, очень сильно варьируют: наиболее низкие тяготеют еще к среднему палеолиту (-3), более поздние — это уже явно верхний палеолит (2–3). К сожалению, разрешающая способность методов абсолютного датирования пока недостаточна для того, чтобы ответить на вопрос, а не связаны ли различия в степени продвинутости памятников с разницей в их возрасте, но в принципе для шательперрона такая вероятность не исключена. На трех шательперронских памятниках — Арси-сюр-Кюр, Сен Сезар и Фон де Гом — были сделаны антропологические находки. В первых двух случаях это, несомненно, останки неандертальцев (Bailey, Hublin, 2006). В третьем случае речь идет о единичном зубе (клык), принадлежавшем к тому же ребенку 2–4 лет, что не дает возможности определить видовую принадлежность его обладателя.

Для улуццо, как и для шательперрона, характерно сочетание средне- и верхнепалеолитических типов в орудийном наборе, специфический облик которому придают крупные сегменты или сегментовидные ножи с дугообразным ретушным обушком. Представлены также *pièces ecaillées*, скребла, скребки, малочисленные резцы, зубчатые формы, а иногда, как в шательперроне, и костяные изделия. Эта индустрия тоже появляется в своем ареале раньше ориньяка, о чем свидетельствуют немногочисленные абсолютные даты (32–34 тлн) и стратиграфия ряда многослойных памятников. Генезис улуццо неясен, ИП может варьировать от -0.5 до 1. Вопрос о физическом типе носителей улуццо остается пока открытым. Имеющиеся антропологические находки слишком скудны, чтобы на их основе делать какие-то определенные выводы.

Ориньяк на западе Европы появился не позже 36 тлн. Вопрос о том, могло ли это произойти раньше и, если да, то насколько, сейчас активно обсуждается. В основном дискуссия вращается вокруг стратиграфии и материалов испанских пещер Эль Кастильо и Арбрета. Сторонники длинной

хронологии, опираясь на старые и новые датировки, доказывают, что слои с ориньяком здесь имеют возраст не менее 38–40 тлн (Cabreга et al., 2001). Их оппоненты утверждают, что слои эти смешанные, и нет никакой уверенности, что продатированные образцы связаны именно с ориньяком (Zilhão, d’Errico 1999, 2003). В целом в регионе возраст памятников этой индустрии имеет тенденцию уменьшаться в направлении с севера на юг. На Апеннинах ориньяк распространен повсеместно, но на севере (пещера Фумане, навес Рипаро Мочи и др.) он появляется, видимо, на две-три тысячи лет раньше, чем на юге (Кастельчивита, Пальиччи, Фаббрика и др.). На юго-запад Пиренейского п-ва, т.е. за р. Эбро, ориньяк проникает еще позже, чем на юг Апеннин, а на крайний запад, возможно, вообще не проникает (Raposo, 2000).

По мнению большинства исследователей, на западе Европы ориньяк появился в результате миграции извне, хотя существует и противоположная точка зрения, согласно которой его становление могло протекать здесь самостоятельно. ИП раннего ориньяка Западной Европы в большинстве случаев варьирует от 3 до 6. Все человеческие кости, обнаруженные до сих пор в ориньякских комплексах региона, принадлежат людям современного физического типа (Gambier, 1997), но этот материал относится только к средним и поздним стадиям индустрии, тогда как для ранних стадий определенных скелетных остатков людей неизвестно.

Центральная Европа. Этому региону принадлежит безусловное первенство по количеству индустриальных типов, выделенных для конца среднего-начала верхнего палеолита. При этом хорошо исследованных стратифицированных памятников здесь не так уж много — больше, чем на Балканах, но значительно меньше, чем на Ближнем Востоке или в Западной Европе. Как следствие, ситуация с индустриями периода перехода в Центральной Европе является сегодня более запутанной, чем где бы то ни было еще. Многие из этих индустрий представляют собой весьма аморфные конструкции, не имеющие ни четкого определения, ни ясной стадийной атрибуции. Даже содержание такого широко используемого понятия, как селет, никогда не отличалось определенностью. Относительно того, какие комплексы зачислять в селет, а какие выделять в самостоятельные индустрии всегда шли дискуссии. В последние годы из состава селета, похоже, окончательно выведены альтмюлиан (Conard, Fischer, 2000) и линкомб-ежмановице (Flas, 2002), а независимый статус богунисьена признан всеми уже давно.

Селет традиционно выделялся, главным образом, благодаря наличию многочисленных и морфологически весьма разнообразных бифасиальных листовидных наконечников, но четкого определения того, что такое селетский листовидный бифас и чем он отличается от микокского, не существует. Важной стилистической характеристикой селета считается еще широкое использование плоской ретуши для оформления разных типов изделий. Среди орудий нередко преобладают скребла, скребки обычные, резцы редки. Технология ориентирована на получение отщепов и является нелеваллуазской. Главная зона распространения селета — территория Венгрии, Чехии и

Словакии, но на юге и востоке она включала, видимо, также смежные районы сопредельных стран, в частности, карпатскую Украину, Молдавию и часть Румынии.

Большинство исследователей выводят селет из микока Центральной Европы. Самые поздние микокские комплексы имеют возраст чуть больше 40 тлн, и такова же древность самых ранних памятников селета (Ведровице V). По словам И. Свободы, процесс изменений от микока к селету «кажется столь постепенным, а определение селета столь широким, что для отдельных памятников и индустрий трудно определить точные границы между средним и верхним палеолитом» (Svoboda, 2001). К сожалению, количественный и качественный состав подавляющего большинства комплексов, относимых к селету, таков, что определение их эволюционного статуса через подсчет ИП невозможно. Коллекции либо слишком малы, либо смешаны (подъемные материалы), либо просто не опубликованы должным образом. Единственный выход в этой ситуации — попытаться дать обобщенную оценку основных параметров индустрии в целом. В итоге получается, что ИП селета может составлять от -3 до -1.5. Таким образом, селет, подобно атеру, — это формально еще, скорее, средний, чем верхний палеолит.

Поздний микок несомненно связан с неандертальцами. Это обстоятельство заставляет предполагать, что и селет, по крайней мере, на ранних стадиях, был связан с ними же. Однако для самого селета достоверных и определяемых антропологических находок неизвестно.

Для индустрии с громоздким названием линкомбьен-ранис-ежмановице (далее ЛРЕ), как и для селета, типичны листовидные бифасиальные наконечники. Собственно, ее часто и рассматривают как составляющую селета. Однако, если обычные селетские наконечники, сплошь покрытые негативами отделки, придающей им в сечении двояковыпуклую форму, в некоторых комплексах ЛРЕ могут и отсутствовать (слой 4 Нетопежовой, Спи, Бэджер Хоул и др.), то наконечники типа ежмановице, имеющие пластинчатые пропорции, частичную бифасиальную ретушь и, как правило, плоско-выпуклое сечение, представлены в них всегда. Именно они являются «руководящим ископаемым» этой индустрии, причем зона их распространения практически не перекрывается с зоной классического селета. Она включает северо-восток Западной и север Центральной Европы, и тянется от Уэльса и Англии через Бельгию и Германию до Польши (Flas, 2002). На основании имеющихся абсолютных дат можно предполагать, что эта индустрия сформировалась около или несколько ранее 40 тлн и существовала, как минимум, до 30 тлн. Наиболее вероятным ее источником является немецкий альтмолиан (в частности, Мауэрн, слой F), относимый обычно еще к среднему палеолиту.

Богунисьен, в отличие от селета, характеризуется довольно развитой пластинчатой технологией, хотя, по мнению П. Шкрдлы, реконструировавшего эту технологию посредством ремонтажа, сами пластины были лишь побочным продуктом процесса расщепления, нацеленного в основном на производство леваллуазских острий (Škrdla, 2003). Тем не менее,

в разных памятниках пластины составляют от 20% до половины сколов и на них изготовлена значительная часть орудий. Во всех комплексах в большом числе представлены леваллуазские острия, простые скребла и зубчато-выемчатые изделия, а также скребки, оформленные нередко на широких отщепках. Листовидные наконечники полностью отсутствуют в Странске скале, но есть в Брно-Богуннице. Область распространения богунисьена была ограничена неширокой полосой, тянущейся вдоль юго-восточного склона Богемского массива, причем местонахождения расположены, как правило, вблизи источников сырья (роговики). Единственный явно близкий богунисьену памятник за пределами этой зоны — Куличивка на западе Русской равнины — также находится в непосредственной близости с богатыми выходами кремня. Не исключено, что к богунисьену следует относить и некоторые комплексы Королево.

Период существования богунисьена начался, по-видимому, не позже 43 тлн. Богунисьен не имеет столь же явных местных корней, как селет, и потому в поисках истоков этой индустрии ее исследователи обращаются либо на восток, либо на юг. В последние годы особенно большую популярность приобрела идея о связи богунисьена с эмираном, и появился даже термин «эмиро-богунисьен». Действительно, сходство с эмираном по всем основным параметрам индустрии налицо. ИП богунисьена, судя по имеющимся данным, составляет -1.5/-1. Данных об антропологическом типе носителей этой индустрии нет.

Ориньяк в Центральной Европе появляется не позже 38 тлн. Такова минимальная древность слоя III грота Гейсенклостерле в Германии и слоя 3 стоянки Виллендорф II в Австрии. Несмотря на весьма ранний возраст древнейших ориньякских комплексов Центральной Европы, ни на одном хорошо изученном памятнике этого региона не зафиксировано переслаивания селета или богунисьена с ориньяком. В тех немногочисленных случаях, когда эти индустрии представлены в одной культурно-стратиграфической колонке, ориньяк неизменно залегает выше.

Судя по описаниям материалов из слоя 4 Виллендорфа II и слоя II Гейсенклостерле, в ранних ориньякских комплексах Центральной Европы почти отсутствуют технологические и типологические элементы, свойственные среднему палеолиту, тогда как верхнепалеолитические черты представлены почти в полном объеме. В целом ИП индустрии не ниже 3.5, а, скорее всего, составляет 5.5-6.

Крым. Средний палеолит исчез в Крыму, видимо, не раньше 30 тлн. Когда появился верхний палеолит, точно сказать пока нельзя, хотя известно, что ориньяк проник сюда как минимум 29–30 тлн (Сюрень I), а минимальный возраст индустрии с геометрическими микролитами (трапециями) и тонкими листовидными наконечниками из слоя С Буран-Кай III составляет порядка 32 тл (Чабай, 2005).

Русская равнина. На огромной территории Русской равнины имеется не более дюжины представительных в археологическом отношении верхнепалеолитических комплексов, с уверенностью датированных временем

древнее 30 тлн, причем большая их часть сосредоточена в пределах одного села (Костенки). Самые ранние комплексы верхнего палеолита Костенок обычно относят к двум археологическим культурам: стрелецкой и спицынской.

Стрелецкая культура выделяется, прежде всего, благодаря наличию во всех относимых к ней комплексах двусторонне обработанных треугольных наконечников с вогнутым или прямым основанием (Рогачев, Аникович, 1984; Аникович 2005). Кроме того, для каменной индустрии характерны наконечники с закругленным основанием, короткие подтреугольные скребки часто с брюшковым утончением, долотовидные орудия и скребла разных типов. Самые ранние стрелецкие памятники сконцентрированы в Костенках (Костенки 12, слой 3), более поздние выявлены также в низовьях Северского Донца (слой 3 Бирючьей Балки 2), в бассейне Оки (Сунгирь) и в верхнем течении Камы (Гарчи). Возраст древнейшего стрелецкого комплекса, связанного со слоем III Костенок 12, определяется залеганием этого слоя под горизонтом вулканического пепла, формирование которого связывается с кампанским игнимбритовым извержением произошедшим не позже 38 тлн (Fedele et al., 2002). Если к этому добавить, что для слоя III и нижележащих отложений фиксируются (пока со знаком вопроса) признаки экскурса каргаполово, то можно предположить, что стрелецкая культура начала свое существование не позже 38 тлн и, возможно, даже несколько раньше 40 тлн. Заключительный этап развития стрелецких традиций, представленный материалами Сунгирия, приходится на период примерно от 28 до 25 тлн. Таким образом, эта индустрия существовала с середины и вплоть до самого конца КИС 3.

Корни стрелецкой культуры уходят в микок Восточной Европы и, в частности, Крыма, где найдены схожие формы наконечников и треугольных скребков (Аникович, 2005). ИП ранних стрелецких комплексов может составлять от 0 до 2. Скелеты из сунгирских погребений, связанные, скорее всего, со стрелецкой культурой, несомненно, принадлежат *Homo sapiens*, хотя отмечается и наличие ряда архаичных, «неандерталоидных» черт.

Спицынская культура представлена пока только в Костенках и только в слоях, залегающих под горизонтом пепла. Собственно, речь идет всего лишь об одном комплексе (Костенки 17, II). Его стратиграфическая позиция в целом сходна с таковой слоя III Костенок 12, и потому вполне вероятно, что возраст обоих комплексов тоже близок. Индустрия слоя II Костенок 17 не имеет явных аналогий в памятниках предшествующего периода, и относительно ее происхождения невозможно сказать что-либо определенное. Вместе с тем, сама она и по возрасту, и по характеру, в общем-то, вполне подходит для того, чтобы рассматриваться в качестве возможного источника (или одного из источников) формирования ориньяка. Во-первых, она, скорее всего, древнее всех известных ориньякских комплексов (во всяком случае, на Апеннинах и Балканах они всегда залегают над С1 пеплом). Во-вторых, облик ее, с одной стороны, еще достаточно нейтрален для того, чтобы можно было представить эволюцию в направлении обретения ориньякских черт, а с другой, в нем хоть и

очень смутно, но уже проглядывают зачатки некоторых из таких черт. ИП — 6.5. Считается, что носителями спицынской культуры были люди современного физического типа, но это заключение базируется на проведенном почти полвека назад изучении одного-единственного зуба, найденного в нижнем слое Костенок 17.

В последние годы в Костенках открыто еще несколько весьма ранних комплексов. Наиболее многочисленные и интересные находки происходят из двух ранее неизвестных культурных слоев Костенок 14, верхний из которых обозначается как «горизонт в пепле», а нижний как слой IVб (Синицын, 2002). Находки из «горизонта в пепле», включающие, помимо кремневых изделий, несколько подвесок (бусин) из раковин и орнаментированных костяных пронизок, отнесены к ориньяку. Столь же интересный материал обнаружен в слое IVб. По мнению А.А. Синицына, он не имеет прямых аналогий ни в Костенках, ни в Восточной Европе в целом. Наличие в коллекции довольно богатого костяного инвентаря и, особенно, свидетельств символизма придает особое значение вопросу о возрасте слоя IVб. Его залегание под пеплом, а также то обстоятельство, что в вышележащих слоях выявлены следы геомагнитного экскурса, интерпретируемого как каргаполово, заставляет считать с возможностью удревнения возраста комплекса до 40 с лишним тл (Синицын, 2002). В любом случае индустрия слоя IVб является одной из наиболее ранних верхнепалеолитических индустрий с развитым костяным инвентарем. За пределами Костенок памятников начальной стадии верхнего палеолита известно очень мало и датированы они гораздо хуже.

В конце КИС 3 на Русской равнине еще продолжает свое существование стрелецкая культура, но появляется и множество новых индустрий, неизвестных в предшествующий период. Наиболее оригинальна среди них городцовская культура, которая, подобно стрелецкой, характеризуется непластинчатой технологией и сочетанием в орудийном наборе верхнепалеолитических и среднепалеолитических типов. Она известна также богатым костяным инвентарем. Самые ранние городцовские памятники (Костенки 14, II) могут быть датированы временем от 28 до 32 тлн. Примерно к этому же периоду, вероятно, относится и ориньякский комплекс слоя III Костенок 1, и первые индустрии граветтоидного облика на Днестре (Молодово 5, IX–X) и на Дону (Костенки 8, II).

Алтай. На Алтае выявлен ряд ранних верхнепалеолитических комплексов, возраст которых составляет от 30 до 40 тл, а в некоторых случаях, видимо, и несколько превышает последнюю дату (Деревянко, Шуньков, 2004). Эти комплексы можно разделить на две группы.

В первую группу войдет, по крайней мере, часть находок из слоя 11 центрального зала Денисовой пещеры, а также материалы слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол и слоев 11–12 стоянки Ануй 3. Для наиболее богатого в археологическом отношении слоя 11 Денисовой пещеры имеется дата >37 тлн, но с каким именно уровнем ее следует соотносить не совсем понятно. Между тем, слой этот делится на 5 литологических горизонтов и мощность его местами достигает 1 м. Археологический материал описан суммарно, без

разделения по горизонтам и вполне вероятно, таким образом, что в коллекции вещи разного возраста, относящиеся как к среднему, так и к верхнему палеолиту. Из слоя, помимо многочисленных каменных изделий, происходит великолепная коллекция украшений из камня, раковин, кости, бивня и скорлупы страусиных яиц. Материалы Усть-Каракола 1 и Ануя 3 интересны, прежде всего, тем, что здесь представлены изделия, часто воспринимаемые как «визитная карточка» ориньяка, а именно высокие нуклевидные скребки и микропластинки с ретушью. Иногда ее даже рассматривают как ориньяк (Kozłowski, Otte, 2000), но вряд ли двух названных элементов, в общем-то, довольно распространенных, достаточно для такого определения. Существует точка зрения, что индустрии этой группы сформировались на местной мустьерской основе (Деревянко, Шуньков, 2004).

Вторую группу составят материалы уровней обитания 5 и 6 стоянки Кара-Бом, слоя 3 стоянки Кара-Тенеш, а также небольшой комплекс Малояломанской пещеры. Судя по имеющимся радиоуглеродным датам, их возраст может составлять от 43 тлн (Кара-Бом) до 33 тлн (Малояломанская пещера). Наиболее представительна коллекция Кара-Бом, где, по общему мнению, обнаружена индустрия, близкая и по возрасту, и по общим технико-типологическим характеристикам переходным комплексам Ближнего Востока (Деревянко и др., 1998). Ее индекс продвинутости (0) идентичен максимальному индексу раннего и минимальному индексу среднего эмира. Судя по немногочисленным нуклеусам, здесь сочеталось плоскостное и объемное расщепление. Пластины составляют более половины всех сколов, но техника их получения, судя по обилию фасетированных (около 40%) площадок, оставалась в основном еще среднепалеолитической. Имеется несколько леваллуазских острий. В орудийном наборе одинаково хорошо представлены как орудия верхнепалеолитической группы (скребки, угловые резцы, есть долотовидные изделия), так и среднепалеолитические типы (мустьерские остроконечники, скребла). Обращает на себя внимание обилие пластин со стандартными ретушными выемками длиной 1–1.5 см и глубиной до 0.5 см, а также наличие приема ядрищного утончения. Практически все эти же черты, но в несколько иной пропорции, присущи и индустрии нижележащих, среднепалеолитических слоев 1 и 2. Явное технико-типологическое сходство находок из последовательно залегающих и, видимо, сравнительно близких во времени слоев позволяет предполагать, что в данном случае ранний верхний палеолит формируется на местной среднепалеолитической основе. Этот ранний верхний палеолит называют обычно карабомовским пластом индустрий. Помимо перечисленных выше алтайских памятников, к этой же группе следует, вероятно, относить и ряд комплексов, открытых в Забайкалье и Монголии. Интересно, что некоторые острия на пластинах из Кара-Бом, Малояломанской пещеры и Кара-Тенеша имеют утончение основания (Рыбин, 2000), причем на нескольких изделиях из коллекции последнего памятника оно по своему характеру практически не отличается от утончения основания эмирских острий.

Антропологических находок на забайкальских памятниках раннего верхнего палеолита пока неизвестно.

Забайкалье. Ранний верхний палеолит представлен в регионе рядом стратифицированных памятников, таких как Толбага, Подзвонкая, Хотык, Каменка и др. (Константинов, 1994, Лбова и др., 2003, Ташак, 2003). Для многих из них имеются серии абсолютных дат, в основном укладывающихся в диапазон от 30 до 40 тлн (Орлова и др., 2005). Все известные в настоящее время в Забайкалье комплексы этого времени практически идентичны по технико-типологическим характеристикам и вполне могут рассматриваться как проявления одной традиции, восходящей к тому же источнику, к какому восходит индустрия Кара-Бомы, т.е. к местному (если не забайкальскому, то, во всяком случае, южносибирскому) мустье. В коллекциях забайкальских памятников рассматриваемого периода обращает на себя внимание обилие комбинированных орудий, причем очень часто на одном предмете сочетаются среднепалеолитические и верхнепалеолитические типологические элементы. Еще одна общая особенность — частое наличие брюшковой подтески рабочего конца скребков и усеченных пластин. Повсеместно встречаются в немалом количестве узкие толстые пластины треугольного сечения и с конвергентно ретушированными краями, орудия со стандартными (как в Кара-Боме) ретушными выемками и долотовидные изделия нескольких типов. Антропологических находок на забайкальских памятниках раннего верхнего палеолита пока неизвестно.

Глава 6. Сценарии перехода. Моноцентризм и полицентризм

Среди вопросов, особенно активно обсуждаемых в литературе, посвященной переходу к верхнему палеолиту, одно из наиболее важных, если не самое важное, место издавна занимает дилемма полицентризм/моноцентризм. Суть моноцентристской модели, при всех возможных вариациях в изображении деталей, определяется идеей, согласно которой верхнепалеолитическая культура возникла в одном из районов первоначального расселения людей современного физического типа, а затем, по мере продвижения последних в другие регионы, распространялась вместе с ними. Непременной составляющей моноцентризма является гипотеза аккультурации, объясняющая становление шательперрона, селета и ряда других автохтонных индустрий Европы и Азии контактами коренного населения соответствующих регионов с пришлыми носителями более развитых культур, носителями которых «по умолчанию» считаются *Homo sapiens*.

Хотя моноцентристская модель является преобладающей, в последние годы наметилась тенденция постепенного отхода от нее. Все больше исследователей склоняется к мнению, что, по крайней мере, на своей начальной стадии «верхнепалеолитическая революция» могла проходить по полицентристскому сценарию. Согласно этой точке зрения, первые переходные и верхнепалеолитические индустрии возникли примерно

одновременно и, главное, независимо друг от друга в разных регионах Старого Света и какое-то время развивались вне сколько-нибудь существенного воздействия извне.

Совершенно очевидно, что после 45 тлн культурные инновации, маркирующие процесс перехода к верхнему палеолиту, фиксируются во множестве подчас весьма удаленных друг от друга регионов Северной Африки, Западной и Центральной Азии, Западной, Центральной и Восточной Европы. Все индустрии, захваченные этим процессом, по характеру их генезиса и степени продвинутости довольно четко делятся на три большие группы.

Первая группа полифилетическая. Ее составляют среднепалеолитические индустрии переходного типа и индустрии архаичного верхнего палеолита, являющиеся автохтонными в своих ареалах и не распространяющиеся сколько-нибудь далеко за пределы районов, где совершалось их становление. Все они леваллуазские, и все отличаются совершенно очевидным типологическим своеобразием, причем каждая имеет свой специфический руководящий тип. Состав: атер, шательперрон, улуццо, селет, линкомб-ежмановице, стрелецкая культура.

Вторая группа является, скорее всего, полностью или преимущественно монофилетической. Иными словами, можно предполагать, что все или, по крайней мере, большинство составляющих ее индустрий имеют общие корни. В основном это индустрии архаичного верхнего палеолита, все они леваллуазские и происхождение многих из них не связано с регионами их распространения. Лишь некоторые из них имеют специфические руководящие типы орудий, но почти для всех в той или иной степени характерны леваллуазские острья. В англоязычной литературе индустрии этой группы в последние годы часто обозначают как начальный верхний палеолит. Состав: эмиран, бачокирьен, богунисьен, даббан, комплексы карабатовской группы.

Третья группа включает ранние индустрии развитого верхнего палеолита. Все они, за вычетом ахмариана, в принципе, могут иметь общее происхождение, так что эту группу, как и предыдущую, можно считать в основном монофилетической. Состав: ахмариан, барадост (загросский ориньяк), левантский ориньяк, протоориньяк (ориньяк 0), древний ориньяк (ориньяк 1), спицынская культура.

Данные о хронологии, происхождении, степени продвинутости и антропологическом субстрате индустрий, составивших три только что охарактеризованные группы, были рассмотрены в предыдущей главе. Результаты суммированы в приводимой ниже таблице.

Таблица. Предварительные оценки возраста, генезиса, продвинутости и антропологического субстрата основных индустрий периода перехода от среднего палеолита к верхнему

Группа	Индустрия	Регион	Время	Генезис	ИП	Носители
I	Атер	Сахара и юг Аравийск. п-ва	60–24	Местный/мустье Сев. Африки	-2.5/-1	<i>H. sapiens</i>
	Шательперрон	Зап. Европа	≥40–33	Местный/МТА	-2.5/2	<i>H. neand.</i>
	Улуццо	Апеннины	34–32	Местный ?	-0.5/1	?
	Селет	Центр. Европа	40–?	Местный/микок	-3/-1.5	<i>H. neand. ?</i>
	Линкомб-Ранис-Ежмановице	Север Зап. И Центр. Европы	≥40–30	Местный/Альтмолиан ?	?	?
Стрелецкая к-ра (ранний этап)	Русская равнина	≥38–30	Местный/микок	0/2	?	
II	Ранний эмиран	Левант	47–43	Местный/мустье	-1.5/0	?
	Средний эмиран	Левант	43–38	Местный	0/1	?
	Поздний эмиран	Левант	39–36	Местный	0.5/2	?
	Даббан	Киренаика	40/38–32	Левант/эмиран	¼	?
	Бачокирьен	Балканы	≥46–37	Левант/эмиран ?	-1/2.5	?
	Богунисьен	Центр. Европа	≥43–35	Левант/эмиран ?	-1.5/-1	?
Карабомовский пласт	Юг Сибири	>40–?	Местный/мустье	-1/1	?	
III	Ахмариан	Левант	<38	Местный/эмиран	4/6.5	<i>H. sapiens</i>
	Левант. ориньяк	Левант	<36	Загрос? Европа?	3.5/4.5	?
	Ранний барадост	Загрос	38/36–30	?	0–3	?
	Ориньяк	Балканы	34–30	?	1/5	?
	Ориньяк 0 и 1	Зап. Европа	≥36–32	?	3/6	?
	Ранний ориньяк	Центр. Европа	38/40–32	?	3.5/6	?
Спицынская к-ра	Рус. Равнина	≥38–?	?	6.5	<i>H. sapiens ?</i>	

Индустрии первой группы в целом наиболее архаичны. Минимальный ИП в среднем составляет здесь -1.7, а максимальный 0.5 (против -0.4/1.4 у индустрий второй группы и 3.1/5.4 у третьей). Их антропологический субстрат различен. Если создателями североафриканского атера были люди современного или близкого к таковому физического типа, то в Европе ситуация иная. Шательперрон определенно связывается с неандертальцами. Прямые данные об анатомическом типе носителей центральноевропейских индустрий отсутствуют (ЛРЕ) или не поддаются однозначной оценке (селет), но косвенные явно свидетельствуют о том, что это тоже были неандертальцы (Svoboda, 2005). Для определения видовой принадлежности носителей улуццо, строго говоря, нет ни прямых, ни косвенных данных, хотя традиционно считается, что ими были неандертальцы. Для ранних стадий стрелецкой культуры прямых данных тоже нет, но ее микокские корни и наличие ряда неандерталоидных черт в анатомии *Homo sapiens* из сунгирских погребений (Козинцев, 2004) позволяют предполагать, по крайней мере, некоторую

причастность неандертальцев к ее истории. Все европейские индустрии первой группы, кроме улуццо, появляются примерно одновременно, около 40 тлн.

Индустрии второй группы, если не считать поздний эмиран и даббан, по-видимому, несколько древней индустрий первой группы. На Ближнем Востоке, Балканах и в Центральной Европе они появляются примерно 45 ± 2 тлн, а на юге Сибири раньше 40 тлн и, возможно, не позже чем в Европе и Западной Азии. Эмиран и комплексы карабумовского пласта почти наверняка связаны генетически с местным, т.е. левантийским и алтайским мустье, причем последнее в свою очередь, возможно, тоже имеет ближневосточные корни. Существование в архаичном верхнем палеолите Алтая приема утончения базальной части удлинённых острий и остроконечников, неотличимого в отдельных случаях от приема утончения оснований эмирейских острий, может служить идеальным примером конвергенции в развитии индустрий, сформировавшихся независимо, но на общей основе.

В отличие от Кара-Боба и сходных с ним южносибирских комплексов, бачокирьен и богунисьен выглядят на фоне среднего палеолита своих ареалов весьма чужеродно. Очевидные технологические и типологические параллели с эмираном позволяют предполагать их распространение с Ближнего Востока (Tostevin, 2000).

Ни для одной из индустрий второй группы нет надежных данных об антропологическом типе оставившего ее населения. Тем не менее, многие почему-то убеждены, что раз принимается гипотеза о ближневосточном происхождении богунисьена, то его следует считать «делом рук анатомически современных людей» (Tostevin, Škrdla, 2003; Kozłowski, 2004). На самом деле второе из первого никоим образом не следует. Напротив, имеющиеся факты заставляют считать гораздо более вероятной связь эмиро-богунисьена не с *Homo sapiens* а с неандертальцами. Во-первых, в период формирования этой индустрии на Ближнем Востоке неандертальцы были, видимо, единственными его обитателями. Во вторых, известно, что утраченная верхняя челюсть из слоя XXV Кзар Акила (ранний или средний эмиран) имела ряд неандертальских признаков. В-третьих, балканские комплексы, могущие рассматриваться в качестве связующих звеньев между эмираном и богунисьеном, дали антропологические находки, не исключают, либо подтверждающие их связь с неандертальцами. Фрагмент детской нижней челюсти из 11-го слоя Бачо Киро не поддается точной диагностике, а коренной зуб из слоя Ia пещеры Лаконис пока уверенно определяется как неандертальский (Harvati et al., 2002). Что касается конкретно богунисьена, то появление этой индустрии в Центральной Европе вполне могло быть результатом обратной миграции неандертальцев, вынужденных оставить Ближний Восток в результате экспансии *Homo sapiens*.

Индустрии третьей группы почти во всех регионах, где они известны, несколько уступают по возрасту индустриям первой и второй групп. Об этом свидетельствуют не только данные абсолютной хронологии, но и стратиграфия ряда многослойных памятников. Единственным исключением из общего правила является Русская равнина, где развитой верхний палеолит

нижнего слоя Костенок 17, как минимум, не моложе древнейших комплексов местного архаичного верхнего палеолита.

В целом появление индустрий первой и второй групп можно рассматривать как начальную стадию перехода к верхнему палеолиту, а постепенную смену их индустриями третьей группы как завершающую стадию (Вишняцкий, 2000а). При этом в Европе распространение индустрий второй стадии перехода, представленных, преимущественно, ориньяком, идет, скорее, с севера на юг, чем наоборот, что делает гипотезу их азиатских истоков маловероятной. Сходство ориньякских комплексов между собой, особенно бросающееся в глаза на пестром фоне предшествующих им в Европе индустрий первой группы, свидетельствует, как будто, в пользу их монофилетического происхождения. Однако ни убедительно обосновать генетическую связь ориньяка с какой-то конкретной среднепалеолитической или переходной индустрией, ни обнаружить исходный центр его формирования так и не удалось. Чисто теоретически, конечно, нельзя исключить вероятность формирования ориньяка на базе мустье кина северной Испании (Cabrera et al., 2001), или бачокирьена Балкан (Kozłowski, 2004), или мустье Загроса (Olszewski, Dibble, 1994), но во всех этих случаях разрыв между исходной индустрией и итогом ее предполагаемой эволюции очень велик, а промежуточных звеньев неизвестно. В случае со спицынской культурой ситуация противоположная. Эта индустрия, как будто, подходит на роль промежуточного звена, но ее собственное происхождение остается загадкой.

Надежных прямых данных об антропологическом типе носителей индустрий третьей группы тоже почти нет. Исключение представляет собой ахмариан. Достоверные антропологические материалы по барадосту отсутствуют, а по ориньяку имеются лишь для относительно поздних стадий его существования. Хотя эти поздние материалы неизменно определяются как останки людей современного физического типа, наверняка можно сказать лишь, что последние были носителями ориньяка в период после 32 тлн. Антропологических свидетельств присутствия *Homo sapiens* в Европе ранее этого времени вообще очень мало, и они не связаны с ориньяком.

Синхронность формирования европейских индустрий первой группы, их архаичный облик, явная автохтонность, а также несомненная в одних случаях и вероятная в других связь с неандертальцами заставляют многих исследователей искать объяснение их возникновения в воздействии пришлой, более развитой культуры, в качестве которой, разумеется, выступает ориньяк. Однако в свете суммированных выше данных кажется очевидным, что как моноцентристская модель в целом, так и являющееся ее составной частью аккультурационистское объяснение происхождения европейских индустрий первой группы вступают в явное противоречие с фактами. Во-первых, и шательперрон, и селет, и, по-видимому, ЛРЕ появляются в Западной и Центральной Европе раньше, чем в этих регионах появляется ориньяк. Во-вторых, пока нет доказательств присутствия в Европе людей современного физического типа ранее 35 тлн и поэтому совершенно непонятно, кто бы мог

осуществлять аккультурацию. В-третьих, неизвестно и кто были носители хронологически раннего (до 32 тлн) ориньяка. Трудно, конечно, разделить уверенность некоторых авторов в неандертальском происхождении этой индустрии (Wolpoff, 1996), но безоговорочно связывать ее рождение с *Homo sapiens*, не имея никаких доказательств, тоже было бы неправильно. Наконец, в-четвертых, среди основных черт большинства европейских индустрий первой группы и первой стадии перехода в целом нет таких, которые можно было бы рассматривать как наглядное свидетельство воздействия ориньяка.

Сказанное не означает, конечно, что для ранней поры верхнего палеолита нет вообще никаких свидетельств культурных контактов и заимствований. Речь лишь о том, что нет оснований объяснять возникновение переходных и архаичных верхнепалеолитических индустрий влиянием именно ориньяка и *Homo sapiens*. Что же касается культурных взаимодействий и аккультурации как таковой, то все это, безусловно, было. Для первой стадии перехода свидетельством тому является, например, появление листовидных бифасов на некоторых памятниках богунисьена, принадлежащего к кругу индустрий второй группы, для которых двусторонняя обработка не свойственна. Вполне логично считать, что, если не сами эти вещи, то традиции их изготовления и использования были заимствованы из арсенала селета, тем более что ареалы этих двух индустрий перекрываются, а носителями их, скорее всего, были люди в антропологическом плане близкие друг другу, т.е. неандертальцы. Вполне вероятно, что и богунисьен, в свою очередь, тоже оказал влияние на селет. Разумеется, и ориньяк, после того, как он появился в Европе и Леванте, не мог не оказать влияния на местные культуры и не испытать ответного воздействия.

В целом, по крайней мере, применительно к начальному периоду верхнепалеолитической революции полицентристский сценарий кажется более правдоподобным, чем моноцентристский. Он гораздо лучше соответствует имеющимся фактам. Индустрии первой стадии перехода (группы I и II) появляются примерно в одно и то же время, причем происходит это в таких удаленных друг от друга регионах и дает такие взаимнепохожие результаты, что сомневаться в их независимом генезисе вряд ли приходится. Не приходится сомневаться и в том, что к некоторым из этих индустрий люди современного физического типа не имели никакого отношения, и что, по крайней мере, в Западной и Центральной Европе «первые шаги» перехода делали неандертальцы. Возможно, то же самое имело место и на Ближнем Востоке, и в Южной Сибири. Сторонники моноцентризма, оспаривая независимое происхождение первых верхнепалеолитических индустрий, часто ссылаются на малую, по их мнению, вероятность синхронного и спонтанного начала процесса перехода в разных регионах и среди разных видов гоминид (Mellars, 2005). Однако, как показано в следующей главе, подобное совпадение не является ни случайным, ни необъяснимым.

Глава 7. Причины «верхнепалеолитической революции»

Проблема перехода к верхнему палеолиту не сводится только к выяснению происхождения индустрий и культур, маркирующих начало этой эпохи и установлению их хронологии, корней, антропологического субстрата и характера взаимодействия. Важной составляющей этой проблемы является еще вопрос о том, в чем же заключались причины наблюдаемых в рассматриваемый период культурных изменений, т.е. почему вообще появилось и распространилось то новое, что определяет верхний палеолит как особую стадию культурного развития и отделяет его от стадии предшествующей.

Рассмотрение предлагавшихся объяснений «верхнепалеолитической революции» приводит к выводу, что большинство их либо плохо согласуется с фактами (биологическое и аккумулятивистское объяснения), либо уязвимы с точки зрения логики постулируемых причинно-следственных связей (технологическое, социологическое и лингвистическое объяснения). Положительным исключением в обоих отношениях кажется эколого-демографическое объяснение, которое поэтому, несмотря на отдельные слабые места, может быть наиболее перспективным. Суть его заключается в том, что первопричины культурных изменений, знаменующих переход к верхнему палеолиту, предлагается искать за пределами собственно культуры. Предполагается, что главным стимулом развития выступали в рассматриваемый период факторы естественные, действие которых приводило к нарушению равновесия между средой и человеческими сообществами (т.е. экологического равновесия), а так называемые «прогрессивные» новации в технологии были, в конечном счете, лишь побочным результатом стремления сохранить в меняющихся условиях привычные образ и уровень жизни. Под естественными факторами подразумеваются, прежде всего, изменения климата и демографические процессы, но поскольку первые носят в основном колебательный характер, ведущую роль обычно отводят вторым, которые в долгосрочной перспективе характеризуются таким свойством, как направленность (рост населения) и неизбежно ведут к усложнению среды, диктуя тем самым необходимость все более сложных форм приспособления к ней (Вишняцкий, 2002а).

Имеются как прямые, так и косвенные свидетельства значительного роста численности человеческих популяций в период, непосредственно предшествующий «верхнепалеолитической революции». На это согласно указывают данные таких разных наук, как генетика, палеозоология и археология. Исследования характера variability ДНК у современных людей приводят специалистов в этой области к выводу, что в интервале примерно от 100 до 40 тлн должно было произойти нечто вроде демографического взрыва среди предковых популяций (Forster, 2004), а эпицентром этого взрыва являлась, скорее всего, Африка (Reich, Goldstein, 1998; Relethford, Jorde, 1999). Об увеличении численности обитателей тогдашней ойкумены и росте давления на ресурсы свидетельствует, по-

видимому, и тот факт (установленный для ряда памятников Ближнего Востока и Апеннин), что среди употреблявшихся людьми в пищу мелких животных в конце среднего палеолита заметно увеличивается доля представителей быстро размножающихся, но трудно добываемых видов (куропатка, заяц), тогда как доля представителей видов, характеризующихся противоположными качествами (черепahi, морские моллюски), напротив, сокращается. (Stiner et al., 1999). Наконец, судя по археологическим данным, именно в этот период завершается в основном заселение Старого Света (кроме северо-востока Евразии). К концу среднего палеолита освоенными оказываются вся Африка, почти вся внеледниковая Европа, Южная, Центральная и Восточная Азия, значительная часть Сибири. В это же время, т.е. примерно 50 тлн начинается и проникновение людей в Австралию, что можно рассматривать как косвенное свидетельство усиления демографической напряженности в «метрополии».

Хронология и география перехода к верхнему палеолиту, как кажется, тоже подтверждают предположение, что он совершался под стимулирующим воздействием демографических факторов. Во-первых, этот процесс в целом совпадает по времени с периодом экспансии *Homo sapiens* на восток и на север. Во-вторых, область распространения раннего верхнего палеолита, как уже было отмечено некоторыми авторами (Carbonell, Vaquero, 1998), почти в точности совпадает с ареалом неандертальцев. Это совпадение вряд ли является случайным. Появление пришлых человеческих популяций в районах, издавна освоенных неандертальцами — или даже только на подступах к этим районам, — обязательно должно было повлечь за собой обострение соперничества за жизненно важные ресурсы и стимулировать усложнение методов жизнеобеспечения, технологические новации и прочие изменения в культуре. Напротив, в тех регионах, где в позднем плейстоцене неандертальцев не было, и где, следовательно, некому, было составить достойную конкуренцию расселяющимся *Homo sapiens*, верхнего палеолита либо нет вообще (Восточная и Юго-Восточная Азия, Австралия), либо он представлен только поздними памятниками (Индостан, большая часть Северной Азии). Даже на территории Африки к югу от Сахары, несмотря на раннее и длительное присутствие людей современного физического типа, переход от MSA к LSA совершился сравнительно поздно, да и масштаб и интенсивность культурных инноваций здесь не сопоставимы с тем, что наблюдается в северной части Старого Света.

Таким образом, имеются достаточно серьезные основания предполагать наличие причинно-следственной связи между демографической ситуацией, сложившейся к середине верхнего плейстоцена, и интенсификацией культурного развития, фиксируемой археологами как переход к верхнему палеолиту. Эта интенсификация могла быть вызвана возрастанием конкуренции за ресурсы в условиях, когда разрешение кризисных ситуаций за счет оттока избыточного населения на свободные территории становилось все более проблематичным. Системы жизнеобеспечения, а вместе с ними и основные технологии, по-необходимости должны были подвергнуться в этом

случае существенному обновлению, что и отразилось в археологических материалах, относящихся к рассматриваемому периоду.

Заключение

В заключении сформулированы основные выводы исследования.

1. Ни для одного из трех регионов мира, занимающих лидирующее положение по степени изученности среднего палеолита (Южная Африка, Ближний Восток, Западная Европа), нет оснований говорить о каких-то долгосрочных тенденциях в развитии индустрий этой эпохи. Если в культуре среднепалеолитического времени и происходило некое подспудное движение к верхнему палеолиту, то в изменчивости каменного и костяного инвентаря это никак не проявилось. Поэтому резкое ускорение темпов развития, фиксируемое в середине позднего плейстоцена (45–35 тлн), можно рассматривать как культурную революцию, не уступающую по своим масштабам и значению неолитической.

2. Как моноцентристская модель в целом, так и являющееся ее составной частью аккультурационистское объяснение происхождения европейских индустрий архаичного верхнего палеолита вступают в явное противоречие с фактами. В целом, по крайней мере, применительно к начальному периоду верхнепалеолитической революции полицентристский сценарий кажется более правдоподобным, чем моноцентристский. Индустрии первой стадии перехода (группы I и II) появляются примерно в одно и то же время, причем происходит это в таких удаленных друг от друга регионах и дает такие взаимнепохожие результаты, что сомневаться в их независимом генезисе вряд ли приходится. Не приходится сомневаться и в том, что к некоторым из этих индустрий люди современного анатомического типа не имели никакого отношения, и что, по крайней мере, в Западной и Центральной Европе «первые шаги» перехода делали неандертальцы. Вполне возможно, что то же самое имело место и на Ближнем Востоке, и в Южной Сибири.

3. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что интенсификация культурного развития, фиксируемая археологами как переход к верхнему палеолиту, была в значительной степени обусловлена демографической ситуацией, сложившейся в середине верхнего плейстоцена. К этому времени практически все пригодные для жизни регионы оказались освоенными и заселенными разными популяциями людей современного анатомического типа и неандертальцев. Радикальные изменения в обработке камня, кости, в символизме и других сферах культуры, начавшиеся в ряде районов Африки, Европы и Азии около 40–45 тлн, явились следствием возрастания внутри- и межвидовой конкуренции за ресурсы в условиях, когда отток избыточного населения на свободные земли становился все более проблематичным.

4. Переход к верхнему палеолиту можно рассматривать как завершение фазы экстенсивного развития культуры и начало фазы развития интенсивного. Если в нижнем и среднем палеолите развитие культуры носило, главным образом, экстенсивный характер, выражаясь, прежде всего, в ее

территориальном распространении и приспособлении к своеобразным условиям разных частей ойкумены, то в эпоху верхнепалеолитической революции во многих регионах наблюдается переход от экстенсивного развития к интенсивному, состоящему в непрерывном нарастании разнообразия и сложности культурных явлений.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии и учебные пособия:

1. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб: Европейский Дом, 1996а. 213 с.
2. Происхождение знакового поведения. М.: «Научный мир», 2004. 280 с. (совм. с Я.А. Шером и Н.С. Бледновой).
3. Человек в лабиринте эволюции. М.: «Весь мир», 2004. 156 с.
4. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры. Курс лекций. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 396 с.

Статьи:

5. Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методы, концепции) // Советская археология, 1989, №1. С. 5–18.
6. The Bordes Method? // Norwegian Archaeological Review, 1989, vol.22, №2. P. 107–118 (совместно с Е. М. Колпаковым).
7. Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления // Советская археология, 1990, №2. С. 99–114.
8. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Ленинград, 1991. С. 5–11 (совм. с Е. М. Колпаковым).
9. Забегание вперед в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // Петербургский археологический вестник, 1993, №4. С. 9–16.
10. О «забегании вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. С. 15–19.
11. Эволюция культуры в преистории: причины и механизм // Историческое познание: традиции и инновации. Ижевск, 1993. С. 9–12.
12. "Running ahead of time" in the development of Palaeolithic industries // Antiquity, 1994, vol.68, №258. P. 134–140.
13. Преистория и материалистическое понимание истории (несколько замечаний по поводу статьи Ю.И.Семенова "Материалистическое понимание истории: за и против") // Восток, 1996, №3. С. 233–236.
14. The search for mechanisms of culture change in prehistory: from theory to stone tools and back // World Archaeological Bulletin, 1996, vol.8. P. 143–149.

15. О предыстории и причинах технологических новаций, знаменующих начало верхнего палеолита // Проблемы археологии каменного века. Уссурийск, 1997. С. 30–43.
16. На подступах к искусству // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб — Кишинев, 1997. С. 4–19.
17. Преориньяк и внутрибрудийский эпизод // Палеоэкология и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998, т.2. С. 401–412.
18. The Paleolithic of the Trans-Caspian region: A survey // Anatolian Prehistory. At the Crossroads of Two Worlds. Vol.1. Liege, 1998. P. 1–13.
19. Новые данные к вопросу о «забегании вперед» в развитии палеолитических индустрий // Stratum plus, 1999, №1. С. 275–279.
20. О понятии современное культурное поведение (в связи с проблемой перехода к верхнему палеолиту) // Локальные различия в каменном веке. СПб, 1999. С. 66–69.
21. К вопросу о локальных различиях в среднем палеолите Русской равнины // Локальные различия в каменном веке. СПб, 1999. С. 94–98 (совм. с П.Е. Нехорошевым, Ю.Е. Мусатовым и Т.В. Сапелко).
22. The Paleolithic of Central Asia // Journal of World Prehistory, 1999, vol.13, №1. P. 69–122.
23. Символизм, «современное культурное поведение» и «верхнепалеолитическая революция» // Международная конференция по первобытному искусству. 3–8 августа 1998. Труды. Т.1. Кемерово, 1999. С. 66–76.
24. О причинах перехода к верхнему палеолиту // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. СПб., 2000. С. 168–170.
25. The Pre-Aurignacian and Amudian as an Intra-Yabrudian Episode // Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400–50 k-years ago. Oxford: BAR International Series 850, 2000. P. 145–151.
26. «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины // Stratum plus, 2000a, №1. С. 245–271.
27. Shlyakh — a new late Middle Paleolithic site in the South Russian Plain // Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition: Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B.P. Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. С. 256–266 (совм. с П.Е. Нехорошевым).
28. Новые исследования стоянки Шлях // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 13–17 (совм. с П. Е. Нехорошевым, В.В. Герником, Ю.Е. Мусатовым и Т.В. Сапелко).
29. О возрасте культурных слоев палеолитической стоянки Шлях // Каменный век Старого Света. СПб., 2001. С. 57–59 (совм. с П.Е. Нехорошевым).
30. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) //

Нижеволжский археологический вестник. 2001, вып. 4. С. 8–24 (совм. с П.Е. Нехорошевым).

31. Происхождение языка: современное состояние проблемы (взгляд археолога) // Вопросы языкознания, 2002, № 2. С. 48–63.

32. О движущих силах развития культуры в преистории // Восток (Oriens), 2002а, № 2. С. 19–39.

33. Полицентристский сценарий перехода к верхнему палеолиту // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002. С. 11–17.

34. The Earliest Prehistory of Central Asia: Lower, Middle, and Upper Paleolithic // The Turks. 2002, vol. 1. Early Ages. P. 103–108.

35. Опыт ранжирования переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий: предварительные результаты // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб: ИИМК РАН, 2002б. С. 42–45.

36. Новые материалы стоянки Шлях, слой 9 // Нижеволжский археологический вестник, 2002, вып. 5. С. 48–63 (совм. с П.Е. Нехорошевым).

37. The Middle-Upper Paleolithic interface in former Soviet Central Asia // The early Upper Paleolithic Beyond Western Europe. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 151–161.

38. The beginning of the Upper Paleolithic on the Russian Plain // The early Upper Paleolithic Beyond Western Europe. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 80–96 (совм. с П.Е. Нехорошевым).

39. Опыт эволюционного ранжирования индустрий конца среднего и ранней поры верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии, 2004а. № 3. С. 41–50.

40. Информационный взрыв и изобразительная деятельность // Археология, этнография и антропология Евразии, 2005, № 1. С. 51–54.

41. How many core areas? The “Upper Paleolithic Revolution” in an East Eurasian perspective // Journal of the Israel Prehistoric Society, 2005, vol. 35. P. 143–158.